

МИРОВАЯ КЛАССИКА

Мистические рассказы

*Гарсиа Маркес, Астуриас,
Борхес, Кортасар, Фуэнтес*

Хорхе Луис Борхес

Другой

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157584

Гарсиа Маркес, Астуриас, Борхес, Кортасар, Фуэнтес «Мистические рассказы», серия «Мировая классика»: АСТ, Фолио; Москва; 2002

Аннотация

В увлекательных рассказах популярнейших латиноамериканских писателей фантастика чудесным образом сплелась с реальностью: магия индейских верований влияет на судьбы людей, а люди идут исхоженными путями по лабиринтам жизни. Многие из представленных рассказов публикуются впервые.

Хорхе Луис Борхес

Другой

Эта история произошла в феврале месяце 1969-го, на севере Бостона, в Кембридже. Я не записал ее по горячим следам, ибо моим первым желанием было забыть случившееся, дабы не лишиться рассудка. Теперь же, в 1972-м, я полагаю, что если рассказать о ней, читатели примут все это за выдумку, а истекшие годы, возможно, и меня заставят относиться к ней так же.

Я многое пережил в те минуты, но еще тяжелее было потом, в бессонные ночи. Это вовсе не означает, что рассказ о случившемся взволнует других.

Было десять часов утра. Я сидел, откинувшись на спинку скамьи, у реки Чарлз. Справа, шагах в пятистах от меня, стояла высокая башня – я так и не знаю, как она называется. Серые воды несли на себе угловатые льдины. Река, разумеется, навеяла мысль о времени. Тысячелетний образ, созданный Гераклитом. Ночь я проспал спокойно: моя вечерняя лекция, кажется, захватила студентов.

Вокруг не было ни души.

Вдруг мне почудилось (психологи объясняют это общей усталостью), что однажды я уже видел и чувствовал нечто

подобное. Рядом со мной на скамью кто-то сел. Я предпочел бы побыть один, но не поднялся с места, боясь показаться невежей. Другой принялся что-то насвистывать. Я испытал первое из потрясений этого утра: он насвистывал или пытался насвистывать (меня не отличает хороший слух) аргентинскую песенку «Старая хижина» Элиаса Регулеса. Мотив перенес меня в патио, более не существующий, и вызвал в памяти Альваро Медиана Лафинура, умершего очень давно. Потом слышались и слова, те, что пелись в десятые годы. Тембр не был похож на тембр Альваро, но исполнитель явно имитировал Альваро. Я со страхом узнал этот голос. Придвинувшись к соседу, сказал:

– Сеньор, вы уругваец или аргентинец?

– Я – аргентинец, но с четырнадцатого года проживаю в Женеве, – ответил он.

И наступило длительное молчание. Я спросил его снова:

– В Маланью, номер семнадцать, напротив русского храма?

Он кивнул в подтверждение.

– Ну тогда, – заявил я, – ваше имя – Хорхе Луис Борхес. Мы находимся в городе Кембридже, в 1969-м.

– Нет, – ответил он моим собственным голосом, немного далеким.

И по прошествии двух-трех минут уверенно подтвердил:

– Нет, я нахожусь здесь, в Женеве, сижу на скамье, в нескольких метрах от Роны. Самое странное то, что мы так

похожи, хотя вы намного старше и с седой головой.

Я ему отвечаю:

– Могу доказать тебе, что не лгу. Я расскажу о вещах, о которых знают только домашние. У нас есть серебряный мате с витой длинной ножкой, вывезенный из Перу нашим прадедом. Есть и серебряная миска из тех, что привязывали к седлу. В книжном шкафу твоей комнаты книги стоят в два ряда. Там три тома «Тысячи и одной ночи» Лейна с фавюрами и комментариями мелким шрифтом после каждой главы; латинский словарь Кишера, «Германия» Тацита по-латыни и в переводе Гордона, «Дон Кихот» издательства Гарнье, «Кровавый театр» Риверы Индарте с посвящением автора, «Sartor Resartus» Карлей-ля, биография Амьеля и, спрятанная за остальными фолиантами, потрепанная книжка о сексуальных обычаях балканских народов. Не забыл я и сумерки в бельэтаже, на Плас Дюбур.

– Дюфур, – поправил он.

– Хорошо. Пусть Дюфур, но ты убедился?

Он назвал две или три, в том числе и «Двойник». Я спросил, так же ли ясно ему видятся персонажи при чтении, как, скажем, у Джозефа Конрада, и думает ли он одолеть полное собрание сочинений.

– По правде говоря, нет, – ответил он несколько неожиданно.

Я спросил, что он пишет, и он сказал, что готовит поэтический сборник, который будет называться «Красные псал-

мы». Подумывает также о «Красных ритмах».

– Почему бы и не попробовать? – ответил я. – Можешь опереться на славных предшественников. Вспомни голубые стихи Рубена Дарио и серую песнь Верлена.

Пропустив мимо ушей мои слова, он пояснил, что в его книге будет воспето братство людей земли. Поэт нашего времени не может встать спиной к своей эпохе.

Я задумался, а потом спросил, действительно ли он считает всех своими братьями. Например, всех официальных устроителей пышных похорон, всех письмоносцев, всех платных ныряльщиков в воду, всех, кто ночует на тротуарах у зданий с нечетными номерами; всех, не имеющих голоса, и т. д. и т. п. Он сказал, что его книга будет посвящена массам угнетенных и парий.

– Твои массы угнетенных и парий, – ответил я, – не более чем абстрактное понятие. Существуют лишь отдельные индивидуумы, если вообще кто-либо существует. «Ты сегодня уже не ты вчерашний», – изрек какой-то грек. Мы оба на этой скамье – в Женеве ли, в Кембридже ли, – наверное, служим тому доказательством.

Все памятные факты, кроме тех, что запечатлены на праведных скрижалях Истории, обходятся без памятных фраз. Человеку перед смертью хочется вспомнить гравюру, мельком увиденную в детстве; солдаты перед сражением толкуют о всякой всячине или о своем сержанте. Наша встреча была единственной в своем роде, и, откровенно говоря, мы не

были к ней подготовлены. Как на грех, толковали о литературе и языке – боюсь, я не сказал ничего нового по сравнению с тем, о чем обычно говорю с журналистами. Мой «alter ego» верил в надобность создания или открытия новых метафор, я же – лишь в точное соответствие слов, уже созданных нашей фантазией, моим собственным образам или общеизвестным понятиям. Старение людей и упадок, сновидения и жизнь, бег времени и вода. Я излагал ему свои мысли, которые выразил в книге несколько лет спустя. Он почти не слушал меня. Вдруг сказал:

– Если вы были мною, как объяснить ваше забвение встречи с одним пожилым сеньором, который в 1918-м сказал вам, что он тоже Борхес?

Я не подумал об этой опасности. И отвечал не очень уверенно:

– Видимо, этот случай показался мне столь удивительным, что я постарался его забыть.

Он решился на робкий вопрос:

– А ваша память не слабнет?

Я понял, что для мальчика, не достигшего двадцати, мужчина за семьдесят кажется полутрупом. И ответил ему:

– В общем, она похожа на забывание, но еще в силах выдержать то, чем ее нагружают. Я изучаю англосаксонский и не считаюсь последним в классе.

Наш разговор длился уже слишком долго, чтобы происходить во сне.

Внезапно меня осенила мысль.

– Сию минуту могу тебе доказать, – сказал я, – что ты видишь меня наяву. Послушай эти стихи, которые ты никогда не читал, но которые я смог вспомнить.

И медленно продекламировал чудесную строку:

– *L'hydre-univers tordant son corps йcaillũ d'astres.*¹

Я почувствовал его изумление, почти испуг. Он тихо повторил, наслаждаясь каждым из дивных слов.

– Действительно, – пробормотал он. – Мне никогда не сделать ничего подобного.

Гюго соединил нас.

А перед этим он с пылом читал наизусть, я теперь помню, небольшой отрывок из Уолта Уитмена, где поэт воскрешает в памяти ночь у моря, вдвоем, когда он был по настоящему счастлив.

– Если Уитмен ее воспевает, – заметил я в свою очередь, – значит, он хотел эту ночь, но ее, увы, не было. Поэма впечатляет тогда, когда мы улавливаем в ней страстное желание, а не радость от пережитого.

Он молча взглянул на меня, потом воскликнул:

– Вы не знаете его, Уитмен не способен на ложь. Полвека не проходит даром. Во время нашей беседы,

беседы двух человек, начитанных в неодинаковой степени и с разными вкусами, я осознал, что нам не понять друг друга, а это всегда осложняет диалог. Каждый из нас был пар-

¹ Змея-Вселенная, извивающая свое звездно-чешуйчатое тело (*франц.*).

дийный пересмешник другого. Ситуация была слишком искусственной, чтобы занимать много времени. Спорить или советовать не было смысла, ибо его неизбежным путем становился путь мой.

Мне вдруг пришла на ум одна из фантазий Колриджа. Кому-то привиделось, будто он гуляет в раю, где ему в подтверждение дарят цветок. Проснувшись, он рядом видит цветок.

И я захотел проделать такую же штуку.

– Послушай, – сказал я ему, – есть у тебя наличные деньги?

– Да, – отозвался он. – Франков двадцать. Я пригласил на сегодняшний вечер Симона Жиклинского в «Крокодил».

– Передай Симону, он будет штудировать медицину в Каруже и сделает много добра... Ладно, дай мне одну твою денежку.

Он достал три серебряных франка и мелочь. В недоумении протянул мне серебряную монету. Я дал ему одну из этих нелепых американских бумажек, что бывают разного достоинства, но всегда одинаковой формы. Он рассматривал ее с большим любопытством.

– Не может быть, – вскричал он. – Здесь проставлена дата выпуска – 1964-й!

(Спустя несколько месяцев кто-то скажет мне, что на банкнотах не ставится дата.)

– Все это просто чудо, – произнес он с трудом, – а чудеса мне внушают страх. Свидетели воскрешения Лазаря пришли

бы здесь в ужас.

Мы не сдвинулись с места, подумалось мне. Опять пошли книжные перепевы.

Он изорвал в клочья банкноту, а мне оставил монету.

Я решил ее бросить в реку. Серебряная дужка, летящая в воду, должна была стать воплощением реального в этой моей истории, но судьба распорядилась иначе.

Я ответил, что сверхъестественность, если она повторяется, перестает устрашать. И предложил ему встретиться завтра на этой же самой скамье, что находится в двух разных эпохах и в двух разных местах.

Он тут же изъявил согласие и произнес, не посмотрев на часы, что ему пора уходить. Мы оба лгали, и каждый знал, что собеседник лжет. Ему я сказал, что за мною тоже вот-вот придут.

– За вами придут? – удивился он.

– Да. Когда ты будешь в моих летах, ты почти полностью потеряешь зрение. Сможешь распознавать желтый цвет, тень и солнце. Но не волнуйся. Постепенный приход слепоты – не трагедия. Это как медленное сгущение летних сумерек.

Мы распростились, не прикоснувшись друг к другу. На следующий день я туда не пошел. Другой, наверное, тоже.

Я много размышлял об этом свидании, о котором никому не рассказывал. Думаю, теперь наконец добрался до истины. Встреча была реальностью, но другой беседовал со мною во сне, и потому мог забыть обо мне. Я беседовал с ним наяву,

и воспоминание мучает меня до сих пор.

Другой меня видел во сне, но недостаточно четко и ясно. Яснее ему привиделась, теперь мне понятно, несуществующая дата на долларе.